

ЧАСТЬ VI

Что мы узнали?

**Внесла ли теория общественного выбора
какой-либо вклад в исследование политики?**

Человек устроен так, что после того, как им усвоено какое-то мнение, он «впитывает» все вещи, которые могли бы поддержать это мнение и соответствовать ему. И хотя существует большое количество весомых аргументов в поддержку противоположной точки зрения, они либо игнорируются, либо презируются, либо при некотором рассмотрении отвергаются и отрицаются, с тем чтобы благодаря такой большой и фатальной предопределенности авторитет первого вывода мог остаться непоколебимым.

Сэр Френсис Бэкон

В течение приблизительно пятидесяти лет с тех пор, как сфера общественного выбора впервые стала разрабатываться в работах Блэка (1948a, b), Бьюкенена (Buchanan, 1949) и Эрроу (Arrow, 1951), она увеличилась потрясающим образом как вширь, так и вглубь. Сравнение объема «Public Choice», опубликованного в 1979 г., «Public Choice II», опубликованного в 1989 г., и «Public Choice III» фактически *недооценивает* увеличение данной сферы, поскольку эта книга не охватывает или охватывает незначительно большую часть литературы, чем первое издание, опубликованное в 1979 г.

Увеличение объема литературы также отражает увеличение количества людей, работающих в этой сфере. Это увеличение особенно заметно в политических науках. Три крупнейшие фигуры в данной области, — Кеннет Эрроу, Джеймс Бьюкенен и Амартия Сен, — были награждены нобелевскими премиями. Из этих тенденций кажется разумным вывести заключение о том, что эксперимент по внедрению моделей рационального актора в исследование политической деятельности оказался успешным.

Однако не все наблюдатели согласились бы с таким выводом. С самого начала теория общественного выбора или экономический подход к анализу политической деятельности подвергались критике (например, Stokes (1963) и Barry (1965, 1970)), и, во всяком случае в последние годы, критика подхода с позиции общественного выбора стала более резкой. Поэтому кажется оправданным перед завершением этого обзора теории общественного выбора обратиться к рассмотрению некоторых критических замечаний, которые были сделаны относительно нее. Уставший читатель будет счастлив, узнав, что я не

буду пытаться обсуждать *всю* критику, направленную против подхода с позиции теории общественного выбора, — это потребует по меньшей мере такой же толстой книги, как и та, которую вы читаете. Вместо этого я сосредоточу внимание на критике со стороны Грина и Шапиро (Green and Shapiro, 1994), двух политологов, поскольку их работа представляет собой «фронтальное наступление» на подходы теории общественного выбора и включает большое количество критических замечаний, высказывавшихся другими людьми.¹ Любому читателю, убежденному, что теория общественного выбора привносит нечто важное в исследование политической деятельности, и не интересующемуся методологическими диспутами, следует перейти к последней главе.

28.1. О несостоятельности моделей политики, основанных на предпосылке рационального актора

G&S утверждают, что

...значительную часть восторгов относительно реализации подхода с позиции рационального выбора в политических науках следует рассматривать как преждевременную, после того как задан следующий вопрос: какой вклад внесла эта литература в наше понимание политики?.. До настоящего времени большая часть теоретических построений теоретиков рационального выбора не тестировалась эмпирически. Те тесты, которые осуществлялись, были либо несостоятельны сами по себе, либо собирали теоретическую поддержку в пользу утверждений, которые, если хорошо подумать, могли быть охарактеризованы лишь как банальность: они делают ненамного больше, чем просто переформулируют уже существующие знания в терминологии рационального выбора. (p. 6)

Чтобы поддержать эти утверждения, G&S сосредоточивают внимание на трех классических работах в сфере общественного выбора: «Общественный выбор и индивидуальные ценности» Эрроу, «Экономическая теория демократии» Даунса и «Логика коллективных действий» Олсона. Ясно, что если эти три работы не внесли вклада в наше понимание политических процессов, то маловероятен факт внесения подобного вклада менее крупными трудами. Таким образом, следует рассмотреть, действительно ли обоснованна аргументация G&S. Узнали ли мы мало или вообще ничего не узнали сверх того, что уже было известно в политической науке из этих работ и литературы, которую они породили?

¹ С этого места я буду ссылаться на авторов просто как на G&S и приношу извинения почитателям Джильберта и Салливана (Gilbert and Sullivan). Все неидентифицированные ссылки на страницы в этой главе относятся к их книге.

G&S исследуют эмпирическую поддержку четырех предсказаний, которые, по их утверждению, вытекают из трех вышеупомянутых книг: (1) зацикливание будет широко распространено в законодательных собраниях (Эрроу); (2) рациональные граждане будут голосовать только тогда, когда ожидаемые сопутствующие выигрыши от результатов выборов оказываются больше издержек голосования (Даунс); (3) кандидаты конкурируют в пространствах решений и сходятся к идентичным платформам в двухпартийных системах (Даунс) и (4) рациональные индивиды не присоединяются к группам, которые обеспечивают общественные блага без селективных стимулов, т. е. они ведут себя как «безбилетники» (Олсон).

G&S утверждают, что литература по общественному выбору не способна много дать в плане эмпирической поддержки любому из этих предсказаний и, в более общем плане, «еще должна дорасти до строгого эмпирического анализа». Согласно G&S, причина этого кроется в том, что эмпирическое тестирование следствий из моделей рационального выбора «страдает» от нескольких фундаментальных «методологических патологий» (р. 33). К ним относятся следующие: (1) теоретизирование «задним числом» (*post hoc*) (pp. 34–38). Сталкиваясь с несоответствующими предсказаниям модели свидетельствами, теоретик рационального выбора вводит некоторые вспомогательные предположения, которые «избавляют» теорию от ее отвержения на основе фактических данных. G&S используют в качестве примера введение «чувства гражданского долга» в даунсианскую модель рационального избирателя для избежания «неуклюжего» предсказания, согласно которому никто не будет голосовать (р. 50 и далее). (2) формулировка теорий, не поддающихся тестированию. «Те, кто пытаются вывести тестируемые утверждения из моделей рационального выбора, часто обнаруживают ... что эти теории строятся такими путями, которые «изолируют» их от «столкновения» с реальными данными» (р. 38). (3) Отбор и интерпретация свидетельств. Теоретики рационального выбора обвиняются в том, что ищут свидетельства, подтверждающие их теории (pp. 42–43), в том, что фабрикуют свидетельства на основе своих теорий (pp. 43–44), и в том, что они накладывают произвольные ограничения на области, к которым их теории можно применять (pp. 44–46). Пример последнего — аргумент, согласно которому предсказания поведения «безбилетника» при добровольном обеспечении общественных благ не опровергаются индивидами, участвующими в массовых демонстрациях, поскольку их поведение иррационально и, таким образом, находится вне сферы приложения теории (р. 88).

Прежде чем обсуждать представленную G&S критику, возможно, стоит сделать паузу, чтобы рассмотреть, что же в точности представляет собой методология подхода с позиции рационального выбора, а также ее возможности и пределы.

28.2. Подход к моделированию с позиции рационального выбора

Фундаментальная предпосылка подхода к моделированию с позиции рационального выбора состоит, разумеется, в том, что люди рациональны. В большинстве приложений этого подхода данное допущение преобразуется в предпосылку о том, что они являются *максимизаторами*. Чтобы быть максимизатором, вы должны нечто максимизировать. Таким образом, прежде чем теоретик рационального выбора начинает моделировать человеческое поведение, он должен решить, что именно максимизируют люди, чье поведение ему хочется объяснить. Он должен постулировать целевую функцию.

Сейчас первый аспект, который следует отметить в связи с необходимостью постулировать целевую функцию, состоит в том, что ее источник должен находиться *за пределами* теории, которую нужно тестировать. Наиболее часто теоретик рационального выбора выбирает аргументы для целевой функции посредством самонаблюдения или просто используя целевую функцию, ставшую стандартом в литературе (фирмы максимизируют прибыль, рабочие максимизируют полезность, являющуюся функцией от дохода и досуга). Но он может также проконсультироваться у социолога или психолога, чтобы увидеть, какую разумную предпосылку следует принять в отношении конкретной группы, которую он исследует. Хотя *одни* экономисты могут изучать католическую церковь, постулируя, что она максимизирует прибыль, и считать, что ее священники заботятся только о доходе и досуге, другие, более смелые и честолюбивые ученые могут пытаться определять из других источников, каковы разумные предпосылки относительно целей этих акторов. Подход с позиции рационального выбора не требует, чтобы теоретик рационального выбора воздерживался от использования знаний, накопленных другими дисциплинами, которые могли бы помочь ему в спецификации целей индивидов.

Второй этап в построении модели рационального актора состоит в том, чтобы специфицировать, каковы ограничения, если они вообще есть, в рамках которых должен действовать актор. Опять-таки существуют стандартные предпосылки, касающиеся выбора ограничений в экономическом моделировании (потребители имеют лимитированный бюджет), но при применении этого подхода к новым областям теоретику нужно выяснить, каковы обоснованные предпосылки. Здесь снова может потребоваться обращение к другим отраслям общественных наук.

После того как теоретик рационального выбора определил аргументы целевой функции и значимые ограничения, он может максимизировать эту функцию. Это дает ему одно уравнение — условие первого порядка из задачи максимизации, — при помощи которого он делает предсказания. В некоторых случаях условие второго порядка может дать ему некоторую дополни-

тельную, предсказательную силу. Еще большие аналитические возможности можно получить при изучении проблемы, если теоретик предположит, что агрегированное поведение всех индивидов в системе приведет к равновесному результату. Эта даст теоретику два уравнения вместо одного и увеличит возможность выведения поддающихся опровержению утверждений. Большой интерес теоретика рационального выбора к определению того, порождает ли, по всей вероятности, политическая конкуренция равновесие или нет, связан с большим предсказательным содержанием моделей с равновесиями.

Вооружившись этими двумя уравнениями, теоретик рационального выбора может в идеале вывести предсказания из его модели и тестировать их на подходящих данных. Однако очень часто довольно простая целевая функция, специфицированная для акторов, и другие элементы модели приводят к весьма общим предсказаниям. Например, обыкновенные предпосылки, которые принимаются экономистами в отношении функций полезности потребителей, приводят к предсказанию о том, что кривые потребительского спроса имеют отрицательный наклон. Потребители покупают больше товаров при более низких ценах. Это, несомненно, одно из «банальных» предсказаний, делаемых на основе моделей рационального выбора, которые «делают не намного больше, чем просто переформулируют уже существующие знания». Более того, любую оценку эластичности спроса на товар между $-0,001$ и -1000 можно проинтерпретировать как «согласующуюся с предсказаниями теории» и, таким образом, в общем подкрепляющую модели рационального выбора. Такая гибкость в эмпирическом тестировании является частью того, что раздражает G&S. Однако чтобы сделать более точные предсказания, нужно усложнить модель. Как выбрать модификацию модели для получения более точных предсказаний, зависит от вопросов, на которые хочется ответить с ее помощью.

Рассмотрим следующий пример: предположим, что экономист из Университета Айовы решает оценить кривую спроса на свинину в Айове и долю направляемого на питание бюджета потребителей, которая уходит на ее покупку. Он собирает данные о доходах потребителей, ценах и количествах проданной свинины, ценах товаров-заменителей типа говядины и т. д., а затем оценивает параметры своей модели. Соответствие данным оказывается настолько хорошим, что ученый совершенно уверен в точности своих оценок. Он основывает консалтинговую фирму и начинает использовать модель для предсказания продаж свинины в других штатах и странах. Она имеет большой успех во многих штатах и странах, но очень плохо работает при объяснении покупок свинины в Израиле и Египте. Его друг-социолог указывает ему на то, что это, возможно, следствие того, что иудаизм и мусульманство запрещают есть свинину.

Что делать? Одна из возможностей состоит в том, чтобы отказаться от использования этой модели в странах в основном с иудаистским или мусульманским населением, полагая, что иррационально допускать влияние религиозных верований на потребление продуктов питания, а модель эконо-

миста предполагает рациональное поведение индивидов. Данный случай был бы примером ограничения области применения, ограничения, в отношении которого G&S настроены очень критично. Более прагматичная реакция состояла бы во введении некоторых переменных типа процентов иудаистского и мусульманского населения для объяснения различий во «вкусах к свинине» у этих потребителей. G&S были бы также недовольны такой поправкой к модели рационального актора для улучшения ее объяснительной силы и отбросили бы ее как просто еще один пример разновидностей теоретизирования *post hoc*, к которому прибегают теоретики рационального выбора, когда их модели не удовлетворяют эмпирическим свидетельствам. Их позиция, по-видимому, заключается в том, что после того, как теоретик рационального выбора построил упрощенную модель для объяснения одного феномена — того факта, что кривые спроса имеют отрицательный наклон, — ему нельзя модифицировать эту модель для улучшения ее результативности в специфических приложениях. Если бы единственными подходящими переменными в упрощенной модели были доход и цены, то тогда доход и цены должны были бы объяснять также хорошо спрос всех групп на все разновидности товаров.²

Многие экономисты согласились бы с ними. Крайней позицией в этом отношении является позиция Стиглера и Беккера (Stigler and Becker, 1977), которых цитируют G&S. Эти ученые трактуют любое обращение к изменениям в предпочтениях для объяснения аномальных эмпирических находок как ненаучное. Многие экономисты также трактуют любые предпосылки о поведении менеджеров, кроме максимизации прибыли, как произвольные (*ad hoc*). Но некоторые решения менеджеров типа выплат больших премий для приобретения фирм в отраслях, не имеющих отношения к основной деятельности их компаний, по-видимому, трудно объяснить в качестве попыток таких менеджеров максимизировать прибыль. Деятельность крупных корпораций, связанная с инвестициями и поглощениями, легче объяснить, предположив, что менеджеры максимизируют целевую функцию, включающую рост фирмы. Таким образом, некоторые экономисты, в том числе и я, предпочли постулировать этот тип целевой функции при моделировании корпоративной деятельности, связанной с инвестициями и поглощениями. Подобные модели являются частью работ, посвященных рациональным акторам, не в меньшей степени, чем модели, предполагающие максимизацию прибыли. В методологии анализа рационального актора нет ничего, что требовало бы от нас предполагать наличие только одного аргумента в его целевой функции и ограничивать свой выбор того, чем должен быть этот один аргумент, вариантами выбора, сделанными предыдущими теоретиками.

Этот аспект особенно важно помнить при рассмотрении приложений модели рационального актора к политике. Например, что следует включить

² См. обсуждение в работах Чонга (Chong, 1996) и Даймейра (Diermeier, 1996).

в целевую функцию бюрократа теоретику рационального выбора? Чтобы ответить на этот вопрос, он может подумать о том, какие цели преследовал бы, если бы сам был бюрократом, он может проконсультироваться у авторов книг по социологии и психологии, касающихся вопроса о бюрократии, почитать Франца Кафку или других новелистов, писавших о бюрократии, и т. д. Нисканен (Niskanen, 1971) во время работы в министерстве обороны пришел к заключению о том, что бюрократы максимизируют размер своих бюджетов, и разработал теорию бюрократии на основе этой предпосылки. Эта поведенческая предпосылка, очевидно, похожа на упоминавшуюся выше предпосылку, применявшуюся для объяснения деятельности крупных фирм, связанной с инвестициями и поглощениями. Но она не может объяснять поведение всех бюрократов во всех структурах. Возможно, если бы Нисканен работал в другой бюрократической структуре, с другими ограничениями и возможностями, он пришел бы к выводу о том, что бюрократы максимизируют досуг или вероятность не быть уволенными.

Нисканен был первым представителем теории общественного выбора, который разработал модель бюрократии, и многие из тех, кто следовал за ним, также предполагали, что бюрократы максимизируют бюджет. Ряд авторов также требовали найти эмпирическое подтверждение этой гипотезе. Ниже мы снова рассмотрим ряд исследований, которые ее подтверждают. Однако было бы ошибочно считать, что, поскольку Нисканен был первым, кто моделировал поведение бюрократов, и поскольку он предполагал, что они максимизируют бюджет, и поскольку несколько других исследователей принимали ту же самую предпосылку, применение методологии рационального выбора *требует* предположения, согласно которому все бюрократы максимизируют свои, и только свои, бюджеты. Также ошибочно было бы интерпретировать любые свидетельства, несовместимые с предсказаниями модели максимизирующих бюджет бюрократов, в качестве отвергающих *как* предпосылки этой модели, *так и* подход к исследованию бюрократии с позиции рационального выбора.

Хорошая позитивная теория выводит сильные и поддающиеся опровержению предсказания из относительно малого набора предпосылок. Очерк Эрроу был написан вовсе не для того, чтобы внести вклад в позитивную теорию, и несколько опрометчиво выступать против него на основе эмпирических исследований, как я объясню в следующем тезисе. Разработки Даунса и Олсона являются позитивными теориями, и они удовлетворяют критерию хорошей позитивной теории, т. е. делают сильные предсказания на основе малого числа предпосылок: никто не голосует, два кандидата становятся на идентичные платформы, никто не привносит какого-либо добровольного вклада в обеспечение общественного блага.³ G&S, по-видимому, стремятся отвергнуть как эти теории, так и подход к анализу политической деятельности

³ Строго говоря, ни предложенная Даунсом модель рационального избирателя, ни модель Олсона, не предсказывают нулевого участия. Например, модель добровольного

с позиции рационального выбора, поскольку сильные предсказания теорий не подкрепляются данными. Но такой шаг является поспешным. Неоклассическая экономическая теория также делает сильные предсказания. Например, при предположении, согласно которым фирмы максимизируют прибыль, а рынки конкурентны, все фирмы должны зарабатывать нулевую прибыль. Следует ли отвергнуть всю неоклассическую экономическую теорию и подход к анализу человеческого поведения с позиции рационального выбора, если, согласно наблюдениям, некоторые фирмы зарабатывают положительную или отрицательную прибыль?

Перед тем как поступить таким образом, следует ответить на три вопроса. (1) Являются ли предсказания теории настолько отклоняющимися от нормы, что невозможно поверить, что теория объясняет данные? (2) Существуют ли дополнительные правдоподобные предположения, которые можно принять, предположения, совместимые с методологией рационального выбора и объясняющие расхождения между предсказаниями модели и эмпирическими свидетельствами (некоторые рынки не являются совершенно конкурентными, некоторые менеджеры максимизируют целевые функции, включающие дополнительные аргументы кроме прибыли или вместо прибыли)? (3) Существует ли альтернативная теория, которая лучше объясняет данные? Только если ответы на эти три вопроса «да», «нет» и «да», отказ от подхода с позиции рационального выбора является оправданным. G&S утверждают, что дело обстоит именно таким образом применительно к теориям Эрроу, Даунса и Олсона. Давайте рассмотрим их аргументы подробнее.

28.3. Предсказание заикливания

G&S ссылаются на Эрроу (Arrow, 1951) как на источник предсказания того, что демократия нестабильна и в частности, что законодательные собрания подвержены циклам. Как отмечалось ранее, книга Эрроу является вкладом в нормативную теорию. Она *не* делает предсказания о том, что можно наблюдать на практике. Теорема о невозможности утверждает, что нельзя изобрести такой процесс агрегирования индивидуальных предпочтений, который и определял бы общественное упорядочение, и удовлетворял известным пяти аксиомам (см. гл. 24). Единственное эмпирическое предсказание, которое может следовать из этой теоремы, состоит в том, что любая фактическая система агрегирования индивидуальных предпочтений должна нарушать по меньшей мере одну из аксиом (при предположении о том, что эта система определяет общественное упорядочение). Поскольку маловероятно, что какая-либо политическая система правильно определяет общественное упорядочение, т. е. ранжирование вклада в обеспечение общественного блага, представленная в гл. 2, предсказывает *положительный* вклад, когда размер группы является конечным. См. Lohmann (1996).

всех достижимых общественных состояний, никакое из предсказаний, следующих из этой теории, по-настоящему не поддается тестированию. Если, с другой стороны, мы предполагаем, что все политические системы способны определить общественное упорядочение, то тогда теория всего лишь предсказывает, что по меньшей мере одна из аксиом нарушается. Одинаково допустимо утверждение, согласно которому теорема Эрроу предсказывает, что все политические системы будут диктатурами, и утверждение, согласно которому она предсказывает, что все законодательные собрания будут поражены заикливанием голосований. Поскольку до самого недавнего времени большинство политических систем в мире были диктатурами той или иной формы, то можно говорить о том, что это предсказание теоремы Эрроу хорошо поддерживается эмпирически.

Когда базовые предпочтения членов комитета таковы, что порождают цикл, охватывающий все достижимые результаты, у комитета есть возможность генерировать бесконечные циклы этих результатов. Поскольку рациональные люди не хотят тратить бесконечное количество времени на голосование по заданному набору вопросов, следует рассчитывать на то, что комитет, сформированный из рациональных людей, установит процедуру, которая уменьшит, если не полностью исключит, вероятность цикла. Вопросы, которые поднимает теорема Эрроу в связи с этими процедурами, таковы: исключают ли они в действительности циклы, и если да, то как? Например, исключают ли они циклы, порождая произвольные результаты, — выбранный результат зависит от случайного порядка, согласно которому вопросы поступают на голосование в ограниченной повестке дня; диктаторские результаты как результат манипуляцией повесткой дня; или Парето-доминируемые результаты, поскольку повестка дня настолько ограничена во избежание цикла, что Парето-оптимальный результат не может поступить на голосование? G&S весьма критичны относительно усилий теоретиков рационального выбора, которые те предпринимают, чтобы ответить на эти вопросы. С некоторыми из их критических замечаний вполне можно согласиться, но они не подрывают важность нахождения ответов на указанные вопросы. Если бы Эрроу (и Блэк) не предупредил нас о потенциальной возможности заикливания и связанных с ним опасностей, мы были бы не в состоянии сформулировать правильные вопросы относительно воздействия законодательных процедур, не говоря уже об ответах.

Следует также отметить, что заикливание *можно* наблюдать в ситуациях, в которых политические институты *не* предназначены для ее устранения. Формирование правительства в многопартийной системе имеет характеристики игры с нулевой суммой. Существует фиксированное количество постов в правительстве, и должна быть сформирована коалиция большинства, чтобы определить, как эти посты распределяются. Когда результатами выборов могут оказаться три или большее число вариантов распределения постов в прави-

тельстве, то возникает угроза цикла. Частая смена правительств в странах типа Италии или Франции времен Четвертой республики весьма похожа на то, что теория коалиций побуждает нас ожидать при отсутствии ядра.

Имитационные исследования указывают на то, что вероятность цикла растет вместе со степенью разнородности предпочтений членов комитета, а также вместе с числом подлежащих решению вопросов (см. гл. 4). Таким образом, обнаружение того факта, что стабильность кабинета снижается по мере увеличения степени фракционности и поляризации в многопартийных парламентах, согласуется с тем, что следует ожидать из теории рационального выбора.⁴ Заикливание может происходить и происходит во многих неструктурированных образованиях, и, таким образом, важно обнаружить, имеет ли она место в законодательных собраниях типа конгресса США, и если нет, то почему.

28.4. Предсказания пространственных моделей

Даунсианская модель двухпартийной конкуренции с пространством одномерных вопросов предсказывает, что обе партии занимают позицию, к которой благосклонно относится медианный избиратель (см. гл. 11). Большинство моделей двухпартийной конкуренции, основанных на допущении вероятностного голосования, также предсказывают, что обе партии занимают одну и ту же позицию, хотя теперь существует некая разновидность *средней* из идеальных точек избирателей (см. гл. 12). Почти каждый, вероятно, согласится с тем, что кандидаты на пост президента США и две ведущие партии в Британии не имеют идентичных платформ. Опять-таки модель рационального актора попадает в собственную ловушку, созданную осуществлением слишком точного предсказания. Но перед тем, как отбросить эти модели и методологию рационального актора, которая ими используется, давайте ответим на три только что поставленных вопроса. (1) Отклоняются ли предсказания настолько значительно нормы, что невозможно принять эту теорию? (2) Существуют ли дополнительные, правдоподобные предпосылки, которые можно принять, — предпосылки, совместимые с методологией рационального выбора и объясняющие расхождения между предсказаниями модели и эмпирическими свидетельствами? (3) Существует ли альтернативная теория, которая лучше объясняет данные?

Давайте начнем с первого вопроса. Насколько близкими друг к другу должны быть платформы двух кандидатов, чтобы мы могли сказать, что они достаточно близки для подтверждения теории? Сейчас первая проблема при ответе на этот вопрос состоит, разумеется, в том, что различия между платформами кандидатов нельзя измерить так же легко, как, скажем, расстояния

⁴ См. Grofman and van Roozendaal (1997), а также гл. 13 этой книги.

между торговцами на пляже. Близость до некоторой степени является тем, что существует с точки зрения наблюдателя; и G&S подчеркивают, что теории рационального выбора не имеют единого мнения по данному аспекту (pp. 153–154).

Однако давайте не будем принимать во внимание эту проблему измерения и предположим, что мы в состоянии объективно измерить расстояния между кандидатами. Один из способов, связанных с попытками ответить на вопрос о том, являются ли платформы двух кандидатов достаточно близкими друг к другу для принятия теории рационального выбора, состоит в сравнении ее предсказания с предсказанием конкурирующей теории, не предполагающей, что избиратели и кандидаты являются рациональными акторами. Какова разумная альтернативная модель конкуренции между двумя кандидатами? В чем состоит нулевая гипотеза?

Возможно, хороший способ начать отвечать на эти вопросы состоит в рассмотрении проблемы, которую первым затронул Хотеллинг (Hotelling, 1929) в своей классической статье, посвященной пространственной конкуренции. Хотя на статью Хотеллинга часто ссылаются как на первую пространственную модель голосования, он намеревался исследовать не эту проблему, а скорее вопрос, кажущийся более простым и оказывающийся гораздо более интригующим, — выбор размещения продавцов на пространственном рынке. Представим себе, что купальщики равномерно распределены вдоль прямой линии пляжа длиной d . Два торговца мороженым открывают торговые точки на пляже. Где, согласно нашим ожиданиям, они разместят свои торговые точки?

Простейшая гипотеза будет предполагать, что они выберут местоположение наугад. Это побудит нас рассчитывать на то, что каждый день мы будем обнаруживать каждого торговца в новом месте. Расстояние между ними, b , будет случайно переменной, но с течением времени, согласно нашим предсказаниям, среднее значение b будет равно половине d .

Альтернативная гипотеза будет состоять в том, что торговцы постараются минимизировать расстояние, которое должны преодолеть купальщики, чтобы купить мороженое. Данную идею можно было бы назвать «теорией торговли на основе общественного интереса».⁵ Эта гипотеза приводит нас к предсказанию о том, что торговцы разместят свои торговые точки на одной четверти расстояния между двумя концами пляжа. Теперь мы предсказываем, что торговцы каждый день выбирают одно и то же местоположение и что ежедневно $b = d/2$.

Каковы другие разумные предсказания? Если описать эту проблему случайной выборке людей, проходящих через Таймс-Сквер, то я сомневаюсь, что

⁵ Хотеллинг (Hotelling, 1929, pp. 52–53) обсуждает эту возможность как результат, который следует ожидать при социализме, и характеризует его как «аргумент для социалистической стороны».

многие из них предскажут, что два торговца будут располагаться по соседству друг к другу в центре пляжа. Тем не менее это предсказание модели Хотеллинга. Теперь предположим, что мы пошли на пляж, длина которого составляла 100 метров, и наблюдали двух торговцев, расположившихся по соседству с центром этого пляжа на расстоянии пяти метров. Будем ли мы отвергать модель Хотеллинга на том основании, что они не расположены буквально друг за другом, или же мы скажем, что наблюдаемое значение b настолько меньше 50 ($d/2$), что мы отдаем предпочтение этой, а не «соперничающей» модели, разумеется, оставляя открытой возможность того, что некая другая модель может неожиданно оказаться лучше предложенной Хотеллингом в плане предсказания расположения двух торговцев?

Возвращаясь к проблеме двухпартийной конкуренции, хочется отметить следующее. Я подозреваю, что оценки b и d для двухпартийных систем продемонстрируют, что b окажется значительно меньше $d/2$. Является ли это для нас достаточным основанием, чтобы принять упрощенную версию предложенной Хотеллингом и Даунсом модели конкуренции между двумя партиями? Для одних ответом будет «да», для других — «нет». Некоторые захотят предсказать b более точно и, таким образом, предпочтут модифицировать простую версию модели.

Модель Хотеллинга–Даунса предполагает, что выборы происходят только один раз и что кандидаты свободны в выборе любой позиции в пространстве альтернатив. В США, для того чтобы стать президентом, человек должен победить в двух соревнованиях — в одном, чтобы стать кандидатом своей партии, и в еще одном, чтобы стать президентом. Прямое распространение даунсианской модели на рассмотрение процесса выставления кандидата в качестве претендента на пост приводит к предсказанию того, что кандидаты займут позиции, к которым благосклонен медианный избиратель *в своей партии*, чтобы их выставили как претендентов на пост, а затем переместятся к позиции медианного избирателя во всем электорате. Если добавить разумную вспомогательную предпосылку о том, что кандидат не может пройти все расстояние между медианой для его партии и медианой для всей страны в течение короткого промежутка времени между партийными съездами и президентскими выборами, то можно прийти к следующим предсказаниям: (1) до выставления в качестве претендентов на пост кандидаты занимают позиции, далеко расположенные друг от друга; (2) после их выставления в качестве претендентов на пост они двигаются к центру и (3) на выборах они располагаются ближе друг к другу, чем когда они были выставлены в качестве претендентов на пост, но они тем не менее не занимают идентичных позиций.⁶ Эти предсказания выглядят довольно хорошо соответствующими фактам президентских выборов в США. G&S

⁶ См. обсуждение и ссылки в гл. 11, раздел 11.1.

не обсуждают эти расширения даунсианской модели теоретиками рационального выбора, но я полагаю, что G&S также оценил бы эту работу как «теоретизирование» *post hoc*.

В гл. 19 мы обсуждали одну из попыток теоретиков рационального выбора разработать модель двухпартийной конкуренции, которая явно учитывала идеологические различия между партиями — различия, приводившие к тому, что эти партии начинали проводить разные политики. Мы имеем в виду работы Алесины (Alesina, 1988b) и Алесины и Розенталя (Alesina and Rosenthal, 1995). Модель Алесины и Розенталя делает некоторые очень точные предсказания о динамике роста дохода за электоральный цикл при администрациях республиканцев и демократов, и не все их предсказания подкрепляются данными. Тем не менее эта модель объясняет ряд феноменов типа цикла середины срока — феноменов, которые затруднились объяснить другие исследователи политической деятельности.

G&S сосредоточивают внимание на попытках теоретиков рационального выбора объяснить результаты в двухпартийных системах. Однако даунсианская пространственная модель весьма успешно адаптируется для исследования конкуренции в многопартийных системах (см. обсуждение в гл. 13). Предсказание ван Роозендаала (van Roozendaal, 1990, 1992, 1993) о том, что «центральные партии» будут всегда частью коалиционного правительства, является достаточно прямолинейным распространением логики теоремы медианного избирателя на формирование кабинета, но точно доказавшим свою справедливость для приблизительно 85% случаев (Laver and Schofield, 1990, p. 113). Являются ли 85% достаточно высоким коэффициентом успеха для того, чтобы отстоять использование пространственных моделей и теорий коалиций для предсказания структур кабинетов в многопартийных системах? Существует ли непространственная модель, которая работает лучше?

Предложенная Лейвером и Шепсле (Laver and Shepsle, 1996) модель формирования кабинета расширяет модель медианного избирателя для пространства многомерных вопросов, а введенное Шофилдом (Schofield, 1993a, b, 1995) понятие «сердцевины» представляет собой еще одну разработку с использованием пространственной теории и моделей рационального выбора для предсказания того, какие партии будут формировать правительства в многопартийных системах. Предсказательная сила этих моделей выглядит достаточно сильной, чтобы гарантировать сохранение подхода с позиции рационального выбора и пространственной теории в исследовании многопартийных систем вплоть до появления моделей с большей объяснительной силой, не использующих эту методологию.⁷

⁷ См. также Schofield (1996b).

28.5. Предсказывающее голосование и поведение «безбилетника»

В гл. 14 мы делали обзор литературы по общественному выбору, объясняющей бойкоты избирателей. Как помнит читатель, простая даунсианская модель рационального избирателя, в которой избиратель взвешивает ожидаемые выгоды от обеспечения победы наиболее благоприятного для него кандидата и издержки голосования, не предлагает адекватного объяснения того, почему люди голосуют. Более того, некоторые из попыток модификации теории со стороны приверженцев подхода с позиции рационального выбора предлагают больше вопросов, чем ответов. G&S отмечают значительное количество таких случаев несостоятельности подхода с позиции рационального выбора, и многие из их доводов убедительны (pp. 50–68).

G&S также подвергают сомнению эмпирическую поддержку часто связываемого с Олсоном (Olson, 1965) предсказания, согласно которому люди не будут добровольно вносить вклад в обеспечение чистого общественного блага, поскольку получение ими выгод от его обеспечения не зависит от их вклада. Среди свидетельств, на которые они ссылаются, выступая против гипотезы поведения «безбилетника», встречается много экспериментов с обеспечением общественных благ. Эти эксперименты показали, что участники делали значительно больший вклад, чем предсказывала гипотеза рационального выбора.⁸

Несомненно, эти результаты бросают серьезный вызов подходу к анализу политической деятельности с позиции рационального выбора. Многие из тех, кто на практике реализует указанный подход, смущены этими находками и потратили много (чрезмерно) времени для самооправдания. Но должная реакция на такие противоречивые свидетельства состоит не в том, чтобы отбросить данный подход как неуместный, и не в том, как, по-видимому, предлагают нам G&S, чтобы отказаться от подхода с позиции рационального выбора целиком. Должная реакция состоит в пересмотре предпосылок этого подхода и в попытках определить, какие из них достаточно далеки от реальности, чтобы их нельзя было использовать для объяснения неудач с предсказаниями. Опять-таки также необходимо сравнить предсказательную силу модели рационального актора с предсказательной силой альтернативных подходов.

Например, какое предсказание сделает исследователь политической деятельности, который не является последователем подхода с позиции рационального выбора применительно к вероятному вкладу кого-либо в эксперимент с обеспечением общественных благ? Разумеется, одна из

⁸ См. G&S (pp. 88–93) и наше обсуждение в гл. 2.

возможностей будет состоять в предположении того, что люди *не ведут себя как «безбилетники»*. Они преследуют общественный интерес, а не собственный, узко определенный, личный. Если вклад, максимизирующий выплаты группе, равен 100, а вклад, максимизирующий выплаты отдельному индивиду, равен 1, то модель общественного интереса будет предсказывать индивидуальный вклад, равный 100. Поскольку типичный результат эксперимента с обеспечением общественных благ является средним вкладом, составляющим около 50, предсказание модели общественного интереса так же далеко от своего идеала, как и предсказание модели рационального выбора своекорыстных индивидов. Обе нужно значительно модифицировать для объяснения находок, связанных с экспериментами по обеспечению общественных благ.

Отметим, что как модель общественного интереса, так и модель рационального выбора предполагают, что люди максимизируют некую разновидность целевой функции и, таким образом, дают очень точные предсказания. Из-за их точности их очень легко отвергнуть. Но прежде, чем отказываться от какой-либо из этих моделей, мы должны опять спросить: а каковы предсказания альтернативных моделей? Если некто утверждает, что подход с позиции нерационального выбора предсказывает некий вклад между 1 и 100, то все встанут на сторону такого подхода. И даже такая пустая интерпретация альтернативы моделям рационального выбора не поможет нам предсказать, *какие* люди внесут вклад больше 50, а какие — меньше 50.⁹

В гл. 14 я предлагал моделировать индивидуальное поведение при предпосылке, согласно которой люди действовали так, *как если бы* они максимизировали функцию следующего вида:

$$O_i = U_i + \theta_i \sum_{j \neq i} U_j. \quad (28.1)$$

Многие виды поведения, подобно выбору индивидов в рыночных экспериментах, можно адекватно объяснить, если предположить, что θ равна нулю. Вклад, равный 30, одного лица и вклад, равный 60, другого лица в эксперимент по обеспечению общественного блага будут, с другой стороны, подразумевать, что θ положительны и различаются для каждого лица.

Разумеется, такая модель позволит нам лишь предложить *post hoc* рационалистическое обоснование отклонений от предсказаний модели

⁹ Убежденные сторонники подхода с позиции рационального выбора могут найти утешение в том факте, что в такой разновидности игр существуют равновесия со смешанными стратегиями, в которых некоторые участники делают вклады, превышающие единицу (Lochmann, 1996). G&S (pp. 125–128) сетуют только на то, что это просто еще один пример несостоятельности подходов с позиции теории игр в плане генерирования поддающихся опровержению гипотез.

свокорыстного, рационального актора, если мы не способны объяснить, почему один человек вносит θ , равную 0,3, а кто-то еще — θ , равную 0,6. Более того, чтобы построить общую теорию, которая может предсказывать человеческие действия, мы должны быть способны объяснить, почему данный индивид может вести себя в одной ситуации так, как если бы θ была равна нулю, а в другой ситуации так, как если бы θ была равна единице. Такие объяснения с большей вероятностью можно обнаружить в области психологии, чем литературе по рациональному выбору. Ключевое различие между таким поведенческим подходом и обыкновенным применением моделей рационального актора состоит в том, что первый из них заставляет исследователя изучать *прошлые* истории людей, чье поведение ему хочется объяснить, а не просто сосредоточивать внимание на данных, введенных в различные ячейки платежной матрицы игры. Человеческое поведение трактуется как адаптивное и лишь приближается к чисто обращенному в будущее поведению, изображаемому в моделях рационального актора.

Этот адаптивный подход устраняет некоторые из сюрпризов, порожденных экспериментами, такими как в работе Марвелла и Эймса (Marwell and Ames, 1981), которые обнаружили, что аспиранты, занимающиеся экономикой, вносят значительно меньший вклад, чем другие аспиранты и студенты, в эксперименты по обеспечению общественных благ, или как в работе Блэиса и Янга (Blais and Young, 1999), которые обнаружили, что канадские студенты со значительно меньшей вероятностью ходили голосовать после прослушивания лекции, объясняющей даунсианскую модель поведения избирателей.

Многие сторонники модели рационального выбора, например Стиглера и Беккера (Stigler and Becker, 1977), будут отрицать любые попытки увеличения предсказательной силы модели рационального выбора, допуская, что предпочтения являются гибкими, а Райкер (Riker, 1990), на которого ссылаются G&S (pp. 185–186), явно отвергает бихевиоризм в качестве альтернативы модели рационального выбора. Таким образом, я полагаю, что всякий, кто пойдет по этому пути, сделает большой шаг в сторону от чистых форм теории рационального выбора, причем это будет действительно шаг по направлению к подходу, отстаиваемому G&S, которые пытаются идентифицировать «когнитивные или социально-психологические факторы, влияющие на степень, с которой акторы следуют импульсам, привычкам, или лидерству других лиц...» Но этот подход не заставит ни отказаться от поиска универсальной теории человеческого поведения, чего требуют от нас G&S, ни пожертвовать потенциальными возможностями аналитической строгости, которая достигается посредством моделирования индивидов как максимизирующих явно определенные целевые функции.

28.6. Может ли теория общественного выбора внести вклад в позитивный анализ политических институтов?

Книга G&S изобилует примерами эмпирических исследований, проведенных теоретиками общественного выбора, которые, как утверждают G&S, наделали фундаментальных методологических ошибок, лишивших их работы научной ценности. Заканчивая свою книгу, они дают этим ученым следующий совет:

Вместо того чтобы спрашивать, каким образом теория рационального выбора могла бы объяснить X , более плодотворно было бы сконцентрировать на сути проблемы и спросить, что объясняет X .

(p. 203)

В этом разделе мы опишем несколько исследований, которые использовали подход с позиции рационального выбора для объяснения X и, как я полагаю, проделали довольно хорошую работу.

В штате Орегон советы местных школ могут свободно тратить любую сумму денег, если она не превышает сумму, определенную специальной формулой. Эта формула называется реверсионным бюджетом, R . Если школьный совет хочет тратить больше R , то он должен заслужить одобрение избирателей в своем округе. Советы одних школ собираются тратить больше их R , другие не собираются. Одни заявки намного превышают R , другие превышают ненамного. Как можно предсказать, когда школьный совет созовет референдум для одобрения возросшего бюджета и на какую величину этот бюджет отклонится от реверсионного уровня?

Ромер и Розенталь (Romer and Rosenthal, 1978, 1979b, 1982) обратились к этим вопросам, используя подход с позиции рационального выбора.¹⁰ Сначала им нужно было постулировать целевую функцию для школьного совета. Следуя Нисканену (Niskanen, 1971), они предположили, что члены школьного совета являются бюрократами, максимизирующими свои бюджеты. Затем Ромер и Розенталь использовали модель медианного избирателя для предсказания максимально возможного бюджета, который мог быть одобрен школьным советом на референдуме. При наличии этих двух элементов модели они были в состоянии сделать несколько весьма конкретных предсказаний, например что сумма, на которую заявленный бюджет превышает величину, предпочитаемую медианным избирателем, будет тем больше, чем меньше R относительно величины расходов, предпочитаемой медианным избирателем, и что референдумы не будут созываться, когда R превышает расходы, предпочитаемые медианным избирателем. Их предсказания были подкреплены данными.

¹⁰ Их работы более детально обсуждаются в гл. 16.

Отметим, что Ромер и Розенталь были подвержены всем грехам, описанным G&S. Они предполагали, что бюрократы максимизируют бюджет, а избиратели максимизируют полезность. Они предполагали, что проблему коллективного выбора можно анализировать, используя пространственную модель с пространством одномерных вопросов. Они использовали теорему медианного избирателя.

Как должен поступать тот, кто не хочет впасть в эти грехи? Постулировать ли цель для школьного совета, и если постулировать, то какую? Лэйн (Lane, 1996, p. 123) критикует подход с позиции рационального выбора за предположение о том, «что менеджеры государственных предприятий мотивируются личным, своекорыстным интересом». Не соглашаясь с этим, он утверждает, что они интернализируют цели своих организаций, ссылаясь, в поддержку своей точки зрения, на Вульфа (Wolf, 1988). Применяя эту предпосылку к школьным советам, можно предположить, что каждый пытается обеспечить школьников в своем округе «хорошим образованием». Если это так, то какую модель следует использовать для предсказания суммы, требуемой в каждом округе? Можно двигаться индуктивно, и сформулировать линейно-вероятностную модель, для предсказания того, когда школьный совет созывает референдум, а также собрать данные по всех возможным значимым переменным (количество детей школьного возраста в округе, доход округа, и т. д.) При значительном усердии и везении можно заполучить достаточное количество переменных для обеспечения адекватного соответствия фактическим данным. Но в действительности не понятно, почему школьные советы вели себя так, как вели. Также невозможно вынести суждение о том, являются ли школьные бюджеты больше или меньше того, чем им следует быть. В действительности, благодаря выбору соответствующей мотивации для школьного совета, уже, по сути, было предположено, что бюджет каждой школы находился на своем оптимальном уровне.

Одно из преимуществ подхода с позиции рационального выбора над чисто индуктивным подходом к моделированию состоит в том, что первый из этих подходов зачастую может идентифицировать, являются ли результаты политики неэффективными или субоптимальными в некоем смысле или нет. Если придерживаться точки зрения, согласно которой правительство должно делать то, чего хочет медианный избиратель, то из работы Ромера и Розенталья можно сделать вывод о том, что школьные бюджеты в Орегоне систематически больше той суммы, которой они должны соответствовать.

В своей работе «Теория политических коалиций» Райкер (Riker, 1962) в точности следовал процедуре, рекомендованной G&S, — он выбрал в качестве предмета исследования загадку, встречающуюся в реальном мире. Почему большие коалиции так недолговечны? Однако он отклонился от их рекомендаций, применив теорию рационального выбора для анализа этой проблемы. Применяя этот подход, он разработал свою «теорию минимально

выигрывающих коалиций». Мне неизвестен более хороший анализ данной проблемы. G&S критикуют применение Райкером теории рационального выбора к исследованию политической деятельности в нескольких местах своей книги, но любопытно, что они нигде не упоминают именно об этом ее использовании, представляющем собой самый известный научный вклад Райкера.

Исследователи политической деятельности в США давно пришли к мнению о том, что конгрессмены обменивают голоса на законопроекты. Как можно протестировать, является ли этот тезис в действительности верным? Охватывает ли логроллинг все законопроекты или только некоторые из них? Если он охватывает только некоторые законопроекты, то как определить, какие решения являются результатом торговли голосами, а какие нет?

Анализ логроллинга с позиции теории общественного выбора дает строгий метод для тестирования того, происходит ли он. Из определения ситуации логроллинга мы предсказываем, что альтернативы X и Y не будут приняты, если индивиды искренно заявляют о своих предпочтениях, и окажутся принятыми в результате торговли голосами.¹¹ Это точное определение логроллинга приводит к предсказанию того, что торговля должна касаться только тех решений, в отношении которых количества голосов «за» и «против» близки друг к другу, и при этом голоса «торговцев» играют решающую роль для победы выигрывающих альтернатив. Таким образом, для тестирования наличия логроллинга сначала необходимо построить модель для предсказания того, как будут голосовать представители при отсутствии торговли. Это, в свою очередь, требует от нас моделировать поведение представителей в отношении голосования и, таким образом, принять некую предпосылку относительно их мотивации. В работах Стратмана (Stratmann, 1992b, 1995) показано, что логроллинг касается одних альтернатив и не касается других. Это позволяет нам дать точные ответы на поставленные выше вопросы. Трудно вообразить, как можно было бы ответить на эти вопросы, не используя аналитические инструменты, обеспечиваемые теорией общественного выбора.

Можно было бы сослаться на другие примеры из литературы по «голосованию ногами» (гл. 9), поиску ренты (гл. 15), финансированию избирательных кампаний (гл. 20), размеру государства (гл. 21), и т. д.¹² Однако я надеюсь, что приведенных примеров достаточно, чтобы убедить читателя в том, что методология теории общественного выбора способна дать строгие эмпирические тесты гипотез, выдвигаемых относительно политической деятельности, и что по меньшей мере *некоторые* практикующие в этой области осуществляли такие тесты.

¹¹ Полный вариант определения и обсуждения см. в гл. 5.

¹² См. также примеры, на которые ссылались Фиорина (Fiorina, 1996, p. 90), Ордешук (Ordeshook, 1996, p. 176), Шепсле (Shepsle, 1996, p. 218), Кокс (Cox, 1999), а также обсуждение в работе Мюллера (Mueller, 1997b).

28.7. Внесла ли теория общественного выбора что-либо в нормативный анализ политических институтов?

Таким же трудным, как вопрос о том, почему размеры государства различны в различных странах, является для исследователя политической деятельности вопрос о том, почему выбранные правила голосования различаются *так мало*. Почему фактически каждое законодательное собрание и другие виды комитетов используют правило простого большинства для подавляющей части, если не для всех, коллективных решений? К ответу на этот вопрос, очевидно, нельзя подойти эмпирически, поскольку переменная, которую хочется объяснить, изменяется мало или вообще не изменяется. Ответ нужно искать в нормативном анализе правила простого большинства. Это правило следует считать лучшим правилом голосования, поскольку оно является правилом, предпочитаемым комитетами всех форм. Но в каком смысле оно лучшее?

Теория общественного выбора предложила несколько вариантов ответа на этот вопрос (см. гл. 4 и 6). Самый элегантный из них — предложенное Мэем (May, 1952) доказательство тождественности между правилом простого большинства и четырьмя аксиомами. Если полагать, что правило голосования должно удовлетворять этим четырем аксиомам, то следует отстаивать использование правила простого большинства для принятия коллективных решений.

Теорема Мэя действительна только для ситуаций бинарного выбора. Если комитету нужно выбирать из трех или большего числа альтернатив, следует рассмотреть возможность циклов при правиле простого большинства. Нормативный довод в пользу правила простого большинства ослабляется, и мы оказываемся в области сформулированной Эрроу (Arrow, 1951) теоремы о невозможности. Даже если мы предположим вместе с G&S, что заикливание нечасто наблюдается в некоторых законодательных собраниях, например в конгрессе США, это наблюдение никак не преуменьшает значимость теоремы Эрроу. Этот факт просто предупреждает нас еще об одном факте — о том, что одна или несколько из пяти аксиом теоремы должны в целом нарушаться.

Время от времени появляются новые демократии, и им приходится решать, какое правило (или какие правила) голосования прописывать в своих конституциях. Старые демократии иногда вносят поправки в свои конституции. Следует ли исследователю политической деятельности рекомендовать правило простого большинства, некое респектабельное правило типа подсчета Борда или некоторое вновь изобретенное правило типа одобряющего голосования, процесса выявления спроса или голосования посредством вето? Я не вижу, как можно предложить адекватный ответ на этот вопрос, если не понять формальные свойства каждого из правил голосования.¹³

¹³ См. также Schofield (1996b, pp. 190–191).

28.8. Выводы

Предположим, что вас просят объяснить, почему страны ОПЕК в одни периоды соглашаются значительно сокращать добычу нефти и взвинчивать цены на нефть, а в другие —увеличивают добычу нефти и продают её по очень низким ценам. Все это — решения, принимаемые правительствами и, таким образом по определению коллективные решения. Хороший исследователь политической деятельности должен быть способен объяснить их. Как же следует действовать хорошему исследователю?

Сначала он может осведомиться о вероятной мотивации, лежащей в основе решений каждого из правительств. Поступления от продаж нефти больше, когда выше цены на нефть, и, таким образом, можно было бы постулировать, что страны ОПЕК пытаются увеличить свои поступления, когда они сокращают производство в целях поднятия цен. Разумная точка отсчета состояла бы в принятии предпосылки о том, что каждая страна ОПЕК максимизирует финансовые поступления, и что периодические встречи представителей всех стран в Вене являются попытками установить объемы производства на уровне, максимизирующем совместные поступления стран-членов ОПЕК.

Проницательный исследователь мог бы далее заметить, что картели имеют характеристики «дилеммы заключенных», и, таким образом, подвержены поведению «безбилетников», если каждая страна максимизирует свои поступления. Начальный этап решения проблемы состоял бы в разработке или обнаружении в уже существующих публикациях модели поведения картеля — модели, предсказывающей, что картели иногда будут преуспевать в ограничении производства и увеличении поступлений, но затем станут распадаться по мере того, как отдельные члены картеля будут вести себя как «безбилетники».

Не следует ли учитывать также те факты, что Саудовская Аравия является арабской, мусульманской страной, а Венесуэла — католической, что Кувейт является богатой страной, а Нигерия — бедной, что лидеры одних стран строят империи, тогда как другие лидеры довольствуются сохранением своих монархий? Возможно, да, но перед этим большинство теоретиков рационального выбора сначала захотят увидеть, насколько хорошо объясняет данные более простая модель, предполагающая лишь то, что каждая страна пытается максимизировать свои финансовые поступления, и все вместе они оказываются в «ловушке» повторяющейся «дилеммы заключенных». Только если эта модель не способна адекватно объяснить наблюдаемую динамику цен и количеств, будет необходимо ввести другие факторы.

Великие теоретики дают ясные ответы на важные вопросы, которые часто возникают как результат того, что они читали не последний выпуск технического журнала, а последний номер газеты, и наблюдали окружавший их мир. Райкер (Riker, 1962) был заинтригован недолговечностью больших коалиций

и разработал теорию, чтобы объяснить, почему они так быстро распадаются. Олсон (Olson, 1982) был заинтригован относительным экономическим успехом стран, проигравших Вторую мировую войну, в сравнении с ее победителями и разработал теорию, чтобы объяснить лучшее развитие тех, кто потерпел поражение. В обоих случаях были найдены ответы на вопросы, над которыми бились, посредством применения теории рационального выбора.

Джон Мейнард Кейнс (Keynes, 1936) был заинтригован тем, как может возникать и сохраняться широкомасштабная безработица. Он не нашел ответа в господствовавших экономических моделях, предсказывавших рыночные равновесия. Он сравнил предпосылки этих моделей с фактами окружающего его мира и обнаружил, что некоторые предпосылки оставляют желать лучшего. Ставки заработной платы не были настолько гибкими, насколько предполагала конкурирующая модель; процентные ставки иногда «застывали» в «ловушке ликвидности». Инвесторы были не рациональными, невозмутимыми, расчетливыми индивидами, которые появлялись в экономических моделях, а скорее простыми смертными, в поведении даже лучших из которых преобладала настороженность. Устранив некоторые из предпосылок, содержащихся в господствующей парадигме, Кейнс создал модель экономики, которая могла бы объяснить существование широкомасштабной и устойчивой безработицы. Его модификация господствующей парадигмы подвергалась критическим нападкам ее сторонников с самого начала, и до сегодняшнего дня продолжают дебаты о том, как лучше всего моделировать экономику на макроуровне. Независимо от точек зрения по данному вопросу, следует признать, что методологический подход Кейнса — это подход, которому стоит следовать. Быть приверженцем предшествующей модели до тех пор, пока она способна объяснить то, что хочется объяснить. Пересматривать ее предпосылки, когда она не может объяснить эти феномены, и заменять их на другие предпосылки, которые более близко соответствуют реальности. Продолжать модифицировать существующую модель до тех пор, пока она может адекватно объяснять данные. Отказываться от старой модели (парадигмы) в пользу новой модели, если последняя предлагает лучшее решение загадкам реального мира.

У ученого, занимающегося общественными науками и желающего объяснить поведение индивидов как потребителей, рабочих, избирателей, бюрократов, священников, политиков, биржевых маклеров, солдат и наркоманов, есть ряд возможностей. Один крайний вариант — модель универсального, рационального актора, — все индивиды максимизируют целевую функцию (O). Наиболее идеальная форма такой модели будет иметь единственную переменную в целевой функции: все индивиды максимизируют свое собственное личное богатство (W):

$$O = W. \tag{28.2}$$

Несколько более общая версия этой модели будет состоять в том, что все индивиды максимизируют функцию полезности, включающую богатство и одну или две дополнительные переменные в зависимости от типа анализируемого решения:

$$O = U(W, X_1, X_2, \dots). \quad (28.3)$$

Двигаясь далее от самой сильной версии универсальной теории, мы будем иметь:

$$O = U(X_1, X_2, \dots). \quad (28.4)$$

Все аргументы функции полезности выбираются по усмотрению теоретика. Двигаясь еще дальше, мы имеем подход, на который намекали выше, подход, объясняющий альтруистические и похожие разновидности поведения в ситуациях, в которых такого поведения следует ожидать:

$$O_i = U_i + \theta_i \sum_{j \neq i} U_j. \quad (28.5)$$

Когда принимается во внимание, что теоретик также имеет свободу в выборе формы функции полезности, а также набора ограничений и вспомогательных условий, при которых процесс максимизации имеет место, можно увидеть, что подход к моделированию человеческого поведения, являющийся универсальным постольку, поскольку постулирует максимизацию индивидами целевой функции, может быть весьма гибким.

Другой крайний вариант методологического спектра — чисто индуктивный подход. Теоретик, который хочет объяснить поведение индивидов в десяти только что перечисленных контекстах, строит десять разных моделей, каждая из которых содержит набор переменных, наилучшим образом объясняющих поведение рассматриваемой группы. Выбор переменных в каждом случае определяется на основании изучения соответствующей литературы по социологии и психологии, — литературы, «работавшей» в предыдущих исследованиях, или просто методом проб и ошибок. По мере добавления большего числа аргументов в целевую функцию и принятия большего числа вспомогательных предпосылок, предпосылка максимизации теряет свою силу, и при таком подходе оцениваемая модель начинает походить на ту, что получена индуктивным образом. Место, которое каждый ученый выбирает себе на методологическом спектре, простирающемся от (28.2) до чисто индуктивной модели, в значительной степени дело научного вкуса. Речь идет о готовности довольствоваться слабой объяснительной силой в некоторых ситуациях, но при чистоте и красоте простой, элегантной модели человеческого поведения в сравнении с желанием большой объяснительной силы во всех ситуациях, получаемой ценой потери аналитической согласованности и ясности.

Ранее в этой главе мы обсуждали несколько таких примеров поведения, как голосование и поведение «безбилетника», которые нельзя хорошо объяснить простой версией модели своекорыстного, рационального исполнителя. Я предлагал в таких ситуациях заменять эту модель на модель, в которой индивиды действуют так, как если бы они максимизировали целевую функцию, включающую их собственную полезность и взвешенную сумму полезностей всех остальных людей. Такую модель можно было бы использовать для объяснения человеческого поведения во всех ситуациях, даже в тех, в которых традиционная модель рационального, своекорыстного индивида работает хорошо, поскольку учитывает возможность того, что вес полезности других людей равен нулю.

Мое предложение представляло шаг в сторону от «чистой» модели рационального актора, но сохраняло некоторые из преимуществ этого подхода, связанных с формированием ясных предсказаний, подтвержденных фальсификации. Более радикальный шаг состоит в полном отказе от предпосылки максимизирующего поведения. Саймон (Simon, 1947) получил Нобелевскую премию за свои исследования в области организационного поведения, построенные на предпосылке о том, что индивиды стремятся не к максимальному, а к удовлетворительному результату. G&S, по-видимому, симпатизируют подходу Саймона (pp. 22, 29, 186), и Лэйн (Lane, 1996, p. 126) ссылается с одобрением на давнее применение этого подхода Сайертом и Марчем (Cyert and March, 1963), которые анализировали отдельную фирму при предположении о том, что должны быть удовлетворены пять различных целей. Модель чрезвычайно хорошо объясняла поведение *этой* фирмы, но оказалось, что для каждой фирмы в экономике может потребоваться еще одна модель, и подходу Сайерта–Марча профессиональные экономисты не стали следовать. Если применять подход с точки зрения ориентации на удовлетворительный результат, скажем, к исследованию бюрократов, занимающих государственные должности, то его, по всей вероятности, будет ждать та же самая участь. Хотя при достаточном количестве интервью и данных команда, состоящая из экономистов, психологов и ученых, занимающихся другими ветвями общественных наук, может оказаться способной построить имитационную модель, точно отслеживающую принятие решений в министерстве обороны, неизвестно, окажется ли она настолько же хорошо применимой в других министерствах. Набор, состоящий из десяти имитационных моделей, каждая из которых специально предназначена для описания поведения бюрократов в конкретном правительственном подразделении, *может* помочь прийти к общей теории бюрократии, но вероятность этого кажется слишком малой относительно затрат по сведению таких моделей вместе. Рациональному ученому, занимающемуся общественными науками и сталкивающемуся с нехваткой исследовательского времени и ресурсов, по-видимому, стоит посоветовать избегать подобной исследовательской стратегии.

Большинство родителей преувеличивают достижения своих детей и не замечают их неудач. То же самое верно применительно к тому, как ученые относятся к своему интеллектуальному потомству. И то же самое также верно применительно к научной методологии, используемой ими. Возможно, в том, что эти недостатки выглядят такими же старыми, как и сама наука, есть некое небольшое утешение, как показывает открывавшая эту главу цитата из высказывания сэра Френсиса Бэкона.

Некоторых сторонников подхода с позиции рационального выбора к исследованию как экономики, так и политики можно обвинить в преувеличении объяснительной силы этого подхода и в том, что они закрывают глаза на его недостатки. G&S правы, когда обвиняют их в крайнем высокомерии. Но, нападая на подход с позиции рационального выбора, G&S, по-видимому, игнорируют слабости альтернативных подходов, которые ими неявно отстаиваются. Они критикуют теоретиков рационального выбора за усилия по разработке и применению *универсальной* модели, предназначенной объяснить поведение политических акторов. Хотя G&S делают много обоснованных критических замечаний в отношении способа, посредством которого некоторые исследователи тестировали свои модели, они не предложили конкретной, альтернативной исследовательской стратегии. Таким образом, я полагаю, что те, кто работают в сфере общественного выбора, будут продолжать использовать модели рационального актора для исследования политической деятельности, модифицируя их по мере возникновения необходимости объяснения индивидуальных действий в различных ситуациях. И я рассчитываю на то, что многие прекрасные молодые исследователи, начинающие заниматься изучением политики, продолжат тяготеть к подходу с позиции рационального выбора просто потому, что он предлагает более унифицированное и убедительное объяснение политического поведения, чем соперничающие подходы.¹⁴

Библиографические заметки

Фридман (Friedman, 1996) собрал 14 очерков, как поддерживающих позицию G&S, так и спорящих с ней, а также завершающий ответ с их стороны. Работа Хогарта и Редера (Hogarth and Reder, 1987) содержит результаты заседаний конференции, в которые внесли вклад несколько известных сторонников и противников моделей рационального выбора. Антология Мэнсбриджа (Mansbridge, 1990) также включает внушительный список авторов, которые в основном относятся к лагерю критиков этого подхода.

¹⁴ Как в работе Фереджона и Саца (Ferejohn and Satz, 1996), так и в работе Шофилда (Schofield, (1996b) отстаивается научная значимость универсальных теорий.

Как Фрэнк (Frank, 1988), так и Талер (Thaler, 1991), пытались ослабить или адаптировать понятие рационального поведения, чтобы сделать модели рационального или квазирационального актора более соответствующими данным из литературы по психологии и экспериментальной науке о том, как ведут себя люди.

Сен (Sen, 1995) обсуждает как индивидуальную, так и коллективную рациональность, а также важность различия между общественными *предпочтениями* и общественными *суждениями* в контексте теоремы Эрроу о невозможности.